

Концлагерь в Рязани

По-моему, в Рязани после октябрьского переворота первыми стали арестовывать священников. В городе было много церквей, соборы, три монастыря, много духовных учебных заведений, которые помещались в больших добротных домах.

Они стоят и сейчас. В здании Рязанской духовной семинарии находится десантное училище, в епархиальном женском училище — пединститут, в двух других училищах — средние школы...

А летом 1918 г. в Рязани стали брать «заложников»¹. Было их так много, что в городских тюрьмах их не могли разместить и собирали в первом концентрационном лагере (потом были и другие!), устроенном на окраине города в бывшем женском монастыре.

Чекистам здесь было удобно: вокруг высокие каменные стены, внутри — большая церковь, куда загоняли людей, много помещений — кельи, трапезная, гостиница, с десятков маленьких деревянных домиков, где раньше жили обеспеченные монашки, имевшие свое «хозяйство».

Этот городской концлагерь просуществовал несколько лет, и кто только в нем не побывал! Позднее сюда помещали пленных белогвардейцев, заключенных по приговору Ревтрибунала, вдов расстрелянных, которые искупали свою «вину» мытьем полов на вокзалах, и просто «бывших людей», как их называли...

К концу лета 1918 г., когда городской концлагерь и тюрьмы уже не могли всех вместить, «заложников» стали распределять по уездам, направляя на земляные работы.

Вместе со всеми отец и мы, три сестры, пошли проводить их на вокзал.

Перед монастырем — большая толпа родственников, знакомых и просто сочувствующих. Массивные ворота под аркой наглухо закрыты, охрана и чекисты проходят через узкую калитку. Долго ждем.

На велосипеде к монастырю подъезжает заместитель начальника Рязанской ЧК латыш Стельмах, главный расстрельщик, и проходит в калитку.

Наконец, «заложников» выводят. Это старые больные люди, вина которых лишь в том, что они жили при прежней власти. Тех, кого могли в чем-то уличить — в чинах, наградах, происхождении, поступках, — давно уже расстреляли. Эти же просто схвачены при облавах и массовых арестах, проводившихся по

¹ Гарасёва А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране: Воспоминания анархистки. М. : Интерграф Сервис, 1997.

Фрагмент монастыря.
Фото 1900 г. из архива Евгения Каширина, Рязанский
«Мемориал»

принципу — чем больше, тем лучше. Главное, чтобы боялись.

«Заложников» долго строят, наконец они трогаются. Впереди идет Стельмах, опираясь левой рукой на велосипед, а в правой держа наган. По бокам колонны — охрана. Колонна движется по длинным улицам к вокзалу, через Старый базар, вдоль земляного вала кремля.

В крайнем ряду идет Александр Васильевич Елагин, старый больной человек, друг нашей семьи. Он из дворян, до революции у него было не имение, а всего только хутор, где он открыл сельскохозяйственную школу для крестьян. Желающие могли обучаться у него бесплатно. Когда у Елагина умер от туберкулеза единственный сын Юрий, причитающуюся ему долю наследства отец пожертвовал на постройку общежития для детей сельских учителей. Сам он работал в земстве, но был в оппозиции к крупному дворянству, на стороне «третьего элемента» земства — учителей, врачей, агрономов. На этой работе он познакомился и подружился с отцом. Теперь его уводят из города.

Чуть подалее от него — наш дядя, Василий Дмитриевич Гавриков, брат мамы. Он идет согнувшись, держась руками за низ живота, потому что только что перенес операцию аппендицита. Его вина состоит в том, что у нашего деда, его отца, была когда-то маслобойка. Ни деда, ни маслобойки давно нет, но он попал в «заложники», и больше мы его никогда не увидим...

Анна Гарасёва, 1928 г.
Фото из архива Александра Никитина

Мы идем долго. Отец потихоньку вытирает слезы. Потом мы отстаем. «Заложники» сворачивают влево от Кремля. Некоторые оглядываются, крестятся на собор...

В районах их разместили не в домах, а просто на земле, под открытым небом, за колючей проволокой. Гоняли на тяжелые работы, не считаясь со здоровьем, обессиленных расстреливали, но многие просто умирали сами от отсутствия пищи и тяжелой работы.

Дядя умер от заражения крови — из-за непосильной работы разошлись швы после операции... Те, кто дождался освобождения, почти

все умерли по возвращении, как это было с Елагиним (он умер на четвертый день после освобождения) и с одиннадцатью нашими знакомыми крестьянами из села Волынь. В концлагерь они попали по решению Комитета бедноты, от которого власти требовали высылать «врагов революции». Но кулак в селе был только один, к нему прибавили дьякона, однако двух человек показалось мало, поэтому остальных крестьян взяли «для числа»...

*По воспоминаниям
Анны Гарасёвой*